

На второй день, когда Линь Цинюй отправился во дворец, чтобы проверить пульс императора, в его покоях в это время случайно оказались императрица и наложница Чэнь. Императрица отвечала за гарем, а наложница Чэнь помогала ей в этом. Все трое обсуждали подготовку к празднованию Нового года во дворце.

Императрица и наложница Чэнь обе в молодости считались красивыми женщинами. Теперь, когда они были в годах, императрица выглядела грациозно и достойно, с темпераментом, подобающим матери нации. А наложница Чэнь тщательно следившая за своей внешностью и пользующаяся благосклонностью императора в течение многих лет, была похожа на пион в полном цвету, на вид ей можно было дать не более тридцати.

Линь Цинюй опустился на колени, приветствуя всех троих присутствующих: «Выражаю свое почтение императору, императрице, наложнице Чэнь».

Император был раздражен из-за присутствия двух женщин слева и справа подле себя. Увидев Линь Цинюя, он еще больше убедился в том, что его жена и наложница устраивают бессмысленную суету. Не занимавший официального положения Линь Цинюй был одет в лунно-белую повседневную одежду, привлекая к себе всеобщее внимание без всяких украшений.

Когда императрица увидела вошедшего, ее лицо застыло. Наложница Чэнь вела себе более вежливо с ним, заметив с благодарностью: «В последнее время состояние императора значительно улучшились, головных болей стало меньше. Это благодаря тяжелой работе лекаря Линь».

Линь Цинюй скромно ответил: «Этому смиренному повезло разделить бремя его величества».

«Эта наложница* слышала, что именно лекарь Линь нашел лекарство от эпидемии, которая опустошала юг в прошлом году, – продолжала вспоминать его заслуги наложница Чэнь, потянув императора за руку, она обратилась к нему. – Ваше величество, эта наложница хочет воспользоваться услугами лекаря Линь».

Император рассеянно спросил: «Где Айфэй** нездоровится?»

[Примечание: *Наложница вместо «я» использует 妾 / chénniè / чэньце. Я, ваша служанка. Эта наложница, в общении с императором его жены и наложниц.

**Любимая наложница – это интимная форма обращения к наложнице.]

«Не мне, а наследному принцу, – брови наложницы Чэнь сдвинулись вместе, в глазах застыла материнская забота. – С тех пор, как наследный принц столкнулся... Поскольку он был серьезно болен, его здоровье не такое как прежде, сколько бы лекарств он не принимал. В конце концов, все это вина некомпетентных лекарей Императорской лечебницы. Ранее они не смогли вылечить головные боли императора, сейчас они не могут восстановить здоровье

наследного принца».

Равнодушное лицо императора не изменилось, когда он заметил: «Не зря говорят, что душевные болезни не лечатся лекарствами. В противном случае наследный принц не стал бы так небрежно относиться к обязанностям, которые возложил на него Чжэнь».

Лицо наложницы Чэнь слегка дрогнуло, а ее пальцы нервно сжались. Но она заставила себя улыбнуться, заступаясь за своего сына: «Я уверена, что наследный принц делает все возможное, чтобы должным образом выполнять свои обязанности. Может быть, сейчас он немного не в состоянии сделать столько, сколько хотел бы».

Линь Цинъюй спокойно взглянул на императрицу. Императрица хорошо скрывала свои чувства: на лице не отразилось ни радости, ни гнева.

«На этом все, – император протянул запястье Линь Цинъюю, распорядившись. – Позже сходи в Восточный дворец и осмотри наследного принца».

Линь Цинъюй коротко ответил: «Слушаюсь».

Императрица на мгновение заколебалась и напомнила цель своего визита: «Список чиновников и наложниц для новогоднего банкета уже составлен. Прошу его величество взглянуть на него».

Императору не хотел заниматься этим делом, поэтому он ответил: «В этом нет необходимости. Я полностью доверяю распоряжениям императрицы».

«Ваше величество, может быть, лучше все-таки взглянуть, – Наложница Чэнь приподняла уголки губ в мнимой добродушной улыбке. – На этот раз императрица оставила место для шестого принца».

Император спросил, не скрывая своего недовольства: «Это правда?»

Императрица быстро опустилась на колени, уже не такая спокойная и собранная, как ранее, умоляя: «Новый год – время воссоединения семьи. Ли-эр – плоть от плоти императора и этой наложницы, он брат принцев и принцесс...»

Император холодно прервал ее: «Шестой принц ничего из этого не понимает. Зачем вообще утруждать себя его приездом?»

Императрица продолжала умолять: «Ваше величество...»

«Матушка-императрица, пожалуйста, не говорите больше ничего, – наложница Чэнь надела

добросердечное выражение лица, делая вид, что пытается сгладить ситуацию. – Император вот-вот рассердится».

[Примечание: 嫔 / niángniang. Няня. Императрица или императорская наложница первого класса. Богиня. 1) устар. матушка-государыня, государыня-императрица. 2) матушка-покровительница (особенно: богиня чадородия). 3) диал. матушка, мамаша, родительница.]

Император был весьма раздражен всем этим, приказав обеим: «Достаточно. Вы, обе, уходите».

Императрица, сдерживая чувства, покорно ответила: «Эта наложница удаляется».

Императрица и наложница Чэнь ушли. Линь Цинюй тоже закончил свой осмотр, рассказывая императору о его состоянии: «Головная боль императора еще не искоренена. Хотя государственные дела очень трудны, его величеству следует больше отдыхать».

Разве император не хочет больше отдыхать? Раньше у него был наследный принц, который мог бы управлять страной вместо него, но сейчас сердце и разум наследного принца были неизвестно где. Теперь множеством этих государственных дел он может заниматься только сам.

Император уставился на Линь Цинюя, о чем-то задумавшись, внезапно спросив: «Ты уже некоторое время замужем за Гу Фучжоу, верно?»

«Верно».

«Как он с тобой обращался?»

Когда Линь Цинюй отвечал, он улыбался: «Генерал очень хорошо ко мне относится».

Настроение императора стало еще хуже, раздраженно взмахнув рукой, он отослал юного лекаря прочь.

Покинув зал Циньчжэн, Линь Цинюй направился прямо во дворец Фэнъи, прося о новой встрече с императрицей. Когда служанка дворца Фэнъи увидела его, то даже не потрудились объявить о его прибытии, просто ответив: «Ее величество вас не примет. Лекарь Линь, пожалуйста, возвращайтесь».

Линь Цинюй произнес: «Два дня назад я был в саду Цзиньян», – и замолчал.

Дворцовая служанка, которая уже развернулась к нему спиной, внезапно остановилась.

«Есть кое-что, что я хотел бы рассказать императрице о его высочестве, шестом принце. Не могли бы вы передать ей мою просьбу?»

Когда дворцовая служанка передала его послание, Линь Цинюя тут же пригласили во дворец Фэнъи, где пребывала опечаленная разлукой со своим сыном императрица, не имея возможности хоть ненадолго воссоединиться с ним даже на Новый год. Услышав, что у Линь Цинюя есть новости о Сяо Ли, она, не вспоминая свои прошлые обиды, сразу же спросила о том, что ее больше всего волновало: «Что-то случилось с Ли-эром в саду Цзиньян?»

Линь Цинюй медленно ответил: «Не совсем».

«Что ты имеешь в виду? – с тревогой вопрошала императрица. – У него все хорошо?»

Линь Цинюй отрицательно покачал головой: «Нехорошо... совсем нехорошо. Когда я увидел его высочество, он сидел на корточках в снегу, даже без плаща. Он копал снег и ел его».

Глаза всегда степенной императрицы внезапно покраснели, потрясенная она закричала: «Как такое возможно... Лай Фу! Приведите ко мне* Лай Фу!»

[Примечание: □□ Бэньгун. Здесь и далее по тексту императрица использует □□ – «я», великосветская особа о себе.]

Императрица не могла покинуть дворец, чтобы навестить своего сына. Она могла только время от времени посылать своего евнуха Лай Фу посетить сад Цзиньян. Все вещи, которые она посылала ранее, были получены должным образом, и Лай Фу каждый раз возвращался с утешающими ее новостями, говоря, что у шестого принца все хорошо в летнем дворце. Она всегда считала, что, хотя ее сын не так богат, как выросшие во дворце принцы, тем не менее, он живет жизнью сына богатого дворянина. Кто бы мог подумать, что эти слуги осмелятся устраивать перед ней спектакль, а затем за ее спиной делать все наоборот. Они лгали ей столько лет.

Столкнувшись с пристрастным допросом императрицы, Лай Фу печально заметил: «С этим слугой поступили несправедливо, матушка-императрица! Каждый раз, когда этот слуга отправлялся в сад Цзиньян, Его Высочеству всегда хорошо служили! Этот слуга действительно не знал об этом!»

Императрица уже потеряла всякую рациональность и хотела пытками выбить из него признания, но была остановлена Линь Цинюем: «Лай Фу – доверенное лицо императрицы, и он по-прежнему предан вашему величеству. Проблема кроется в саду Цзиньян. Император уже много лет не посещал летний дворец, вот слуги сада и обленились. Не имея возможности получить награду от хозяина, естественно, они готовы на все, чтобы урвать кусок пожирнее».

Думая о текущем положении своего сына, пребывающего в провинциальном дворце, императрица не могла сдержать слез: «Они издеваются над Ли-эром! Воспользовавшись его

неспособностью понять, высказаться... Мой дорогой Ли-эр...»

Несмотря на то, что императрица была матерью страны, в этот момент она была обычной матерью. Когда она плакала, то не плакала громко и не причитала, как большинство людей. Она молча проливала тихие слезы. Дворцовая служанка протянула ей чистый носовой платок, увещевая: «Матушка-императрица, пожалуйста, позаботьтесь о своем теле. Если матушка-императрица заболит от плача, на кого сможет положиться шестой принц?»

Императрица тут же вытерла слезы и встрепенулась: «Ты права. Эти слуги в саду Цзиньян все еще ждут, когда я разберусь с ними».

Линь Цинью резонно заметил: «Даже если Ваше Величество заменит всех людей в саду Цзиньян, как это может гарантировать, что в будущем новые слуги не будут обращаться с его высочеством так же жестоко?»

Императрица пристально посмотрела на него, спрашивая: «Тогда что, по-твоему, я должна сделать?»

«Лучший способ – вернуть его высочество обратно во дворец, чтобы ваше величество могли лично позаботиться о нем».

Лицо императрицы скривилось в надломленной улыбке: «Ты думаешь, я не хочу? Сегодня ты сам видел это. Император не желает видеть Ли-эра даже на новогоднем банкете. Как он позволит мне держать сына подле себя?»

Линь Цинью сделал вид, что серьезно обдумывает эту проблему, наконец, заговорив вновь: «Мнение императора трудно изменить. Возможно, ваше величество сможет объяснить ситуацию наследному принцу и попросить его поговорить с императором».

«Наследный принц? – императрица с горечью заметила. – А я думала, ты умный. Наследный принц и наложница Чэнь больше всего на свете хотят, чтобы Ли-эр был как можно дальше от дворца. Зачем ему говорить за меня?»

Линь Цинью легко заметил следующее: «В таком случае, даже когда в будущем императрица станет вдовствующей императрицей, ее величеству все равно придется терпеть боль разлуки».

Императрица смутно почувствовала, что имел в виду Линь Цинью. Ее сердце внезапно сжалось. Она попросила остальных удалиться, после чего неуверенно задала вопрос: «Ты хоть понимаешь, о чем сейчас говоришь?»

«Как только наследный принц взойдет на трон, что будет с вами и шестым принцем? Ваше величество, несомненно, должны были думать об этом больше, чем я».

«Самонадеянный! – глаза императрицы остро блеснули. – Ты смеешь обсуждать со мной вопросы преемственности. Ты не боишься потерять голову?!»

Линь Цинъю спокойно ответил: «Все, что я сказал... Это вопросы, о которых перед смертью беспокоился молодой мастер Хоу».

Императрица была ошеломлена, упоминанием этого имени: «Ваньчэн...?»

«Ее величество относилась к молодому мастеру Хоу как к собственному ребенку, и молодой мастер всегда беспокоился о вас и его высочестве. Он беспокоился о вашем положении во дворце, беспокоился, что наложница Чэнь может осложнить вам жизнь. Он попросил меня сделать все возможное, чтобы разделить беспокойство ее величества».

Императрица холодно взглянула на него и, не скрывая горечи, спросила: «Если ты действительно хранил Ваньчэна в своем сердце, как ты мог выйти замуж за кого-то другого еще до того, как его тело не успело остыть?!»

Линь Цинъю тихо вздохнул, ответив: «Если бы я этого не сделал, как я мог бы помочь ее величеству?»

Императрица пристально посмотрела на Линь Цинюя. Перед ней стоял незаурядный и достойный, яркий и красивый мужчина. Его глаза были похожи на глубокие омуты, заманивающие людей на опасную глубину, а затем ищущие подходящий момент, чтобы утопить их.

У Линь Цинюя могут быть скрытые мотивы, но в одном не было сомнений: если Сяо Чэну удастся взойти на трон, ее сын никогда в жизни не вернется домой.

Обдумав все это несколько раз, императрица спокойно спросила: «Так что ты хочешь от меня?»

Несколько дней спустя Наньянь Хоу попросил аудиенции у императора, на которой он предложил дать Сяо Цзе титул цинвана. Император был немного удивлен этим прошением. Наньянь Хоу никогда не ввязывался в политическую борьбу. В самый напряженный период борьбы за престолонаследие он не выступал ни за одного из принцев. Зачем ему сейчас говорить за посредственного четвертого принца?

Наньянь Хоу привел аргументы, о которых Линь Цинъю подумал заранее: «Наследный принц раньше проявлял талант к управлению страной, но из-за болезни долгое время был равнодушен к правительству. Министр считает, что ваше величество могли бы использовать это присвоение титула четвертому принцу в качестве выговора наследному принцу. Хотя битва между принцами может быть ужасной, она также может быть в чем-то полезной».

Император выслушал его совет, но не сразу выразил свою позицию, ответив только: «Дай мне

обдумать этот вопрос».

В мгновение ока наступила новогодняя ночь. Наложницы, принцы и принцессы собрались вместе на новогодний ужин. Во время банкета были песни и танцы, люди разговаривали и смеялись, вокруг царила веселая и оживленная атмосфера.

Видя, что император в хорошем настроении, императрица улыбнулась и заметила, как бы случайно: «Четвертому принцу исполнится девятнадцать после Нового года. Самое время найти ему наложницу».

Сяо Цзе только что откусил кусочек от угощения, поспешно проглотив его, он ответил: «Благодарю вас за заботу мать-императрица. Этот сын не торопится».

«Что значит не торопишься? – упрекнула его императрица. – Когда твои дяди были в твоём возрасте, они уже были женаты, а некоторые из них даже были отцами».

Слова императрицы напомнили императору о предложении Наньань Хоу. Он взглянул на удрученного без прежнего веселья Сяо Чэна, рассеянно держащего кубок с вином. После чего император немедленно принял решение.

...На новогоднем банкете в императорском дворце Сяо Цзе был присвоен титул цинвана, короля Нин.

По сравнению с оживленной обстановкой во дворце, в резиденции генерала было намного более спокойно. Только два мастера, генерал и его супруга, собравшись вместе, скромно праздновали Новый год. Несмотря на это, Юань Инь все равно украсил всю резиденцию. На окна был наклеен бумажный декор, под карнизом висели фонарики. Все вокруг выглядело полным радости.

После того как новогодний ужин был подан, Линь Цинъюй отпустил слуг. Гу Фучжоу перенес стол в открытый коридор, и они вдвоем сели под красным фонарем, выпивая и любуясь луной.

Поскольку их план уже был приведен в действие, Линь Цинъюй позволил себе еще несколько чаш вина. На его лице появился румянец, даже каплевидная родинка под глазом приобрела малиновый оттенок. Терпимость Гу Фучжоу к алкоголю была закалена в военном лагере, делая его более стойким к вину, чем его спутника. Заметив, что Линь Цинъюй был немного навеселе, он спросил его: «Мне отнести тебя обратно в комнату?»

Линь Цинъюй подпер голову рукой, смотрел на него пьяными глазами. При этом казалось, что вся его фигура была окутана светом. Он неожиданно спросил: «Почему тебе так нравится носить меня на руках...»

Гу Фучжоу отвечал полуправдой: «Потому что мне нравится выглядеть красивым перед

тобой».

Линь Цинюй тихо рассмеялся и лениво протянул руку Гу Фучжоу, приглашая к действию: «Тогда пойдем».

Гу Фучжоу наклонился и взял Линь Цинюя на руки. Эти двое были слишком разного роста. В объятиях генерала Линь Цинюй казался еще меньше. Хотя на самом деле среди мужчин его возраста он считался стройным юношей.

С драгоценной ношей на руках Гу Фучжоу вернулся в комнату и сел на край кровати, но вместо того, чтобы уложить Линь Цинюя, он позволил ему сесть к себе на колени. «Не хочешь ли выпить отрезвляющего супа? – обратился генерал к своему супругу.

Линь Цинюй обнял его за шею и, наклонившись к его уху, хриплым голосом спросил: «Почему... ты такой твердый?»

Гу Фучжоу тихо рассмеялся в ответ и с досадой ответил: «О? Меня разоблачили. Мне очень жаль, но я ничего не могу с этим поделать, – его голос был низким, терзая уши Линь Цинюя. – Я слишком много думаю об этом».

Уголки красных глаз Линь Цинюя слегка приподнялись, и он переспросил слегка удивленно: «Думаешь?»

Кадык Гу Фучжоу дернулся, и он неожиданно задал вопрос: «Цинюй, тебе все еще нравятся только девушки?»

Глаза Линь Цинюя заволкло туманом замешательства, как будто даже сам он не знал ответа на этот вопрос.

Гу Фучжоу тяжело вздохнул, встал и уложил Линь Цинюя на кровать. Он уже собирался отойти, планируя поискать кого-нибудь, кто приготовил бы отрезвляющий суп. Но как только отвернулся, то почувствовал, как что-то тянет его за рукав, посмотрев вниз, он встретился взглядом с Линь Цинюем.

Дыхание Линь Цинюя было наполнено горячим вином, когда он прошептал: «...Необязательно».